

А. Г. Тучков

WARGĭ MÜDĕ – «БОЛЬШАЯ ВОЙНА» И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ У СРЕДНЕОБСКИХ СЕЛЬКУПОВ

Статья посвящена вопросу участия селькупов в Великой Отечественной войне. Основной акцент делается на установление довоенной численности селькупов Нарымского края и количества их потерь во время войны. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что существенные потери селькупов на фронте привели к качественным демографическим сдвигам и стали одной из причин, вызвавших необратимые изменения в их культуре в послевоенное время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, демография, военные потери, трансформация культуры.

Тема участия селькупов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является многоплановой и неизученной (данная тема не освещалась в исследовательской литературе ни в рамках селькуповедения, ни в области изучения проблем, связанных с историей военного времени, и потому не имеет своей историографии).

Актуальность ее определяется рядом обстоятельств, тесно связанных с проблемой трансформации селькупского этноса – его этнической ассимиляцией и аккультурацией. На современном этапе изучения культуры селькупов приходится констатировать, что селькупы Томской области в результате длительных межэтнических контактов с русским населением и постепенного слияния их с русскими фактически превратились в одну из этнографических групп русского населения средней Оби. К концу XX в. полностью прекратилась передача родного языка младшим поколениям селькупов [1, с. 36]. Исследования антропологов, проводимые в Колпашевском, Верхнекетском и Каргасокском районах Томской области по рекам Кеть, Обь и Тым среди русско-селькупского населения фиксируют ситуацию, при которой «антропологически ясно выявляется постепенная смена генофонда аборигенной популяции в результате их смешения с русскими» [2, с. 309]. В Томской области селькупы уже «не составляют отдельной биологической общности, а являются составной частью популяции русскоязычного населения» [2, с. 309; 3, с. 20].

На изменение традиционной культурной парадигмы селькупов оказали влияние внешние факторы, коренным образом преобразовавшие основные жизнеобеспечивающие сферы культуры данного этноса. В разное историческое время, с начала русского освоения Нарымского края (конец XVI – начало XVII в.), каждый из этих факторов играл свою определяющую роль. Особенно заметное воздействие на культуру селькупов оказал период 1920–30-х гг. В данное историческое время преобразованию подверглись прежде всего те сферы деятельности, которые основывались на традици-

онном укладе селькупской экономики и традиционном мировоззрении. Однако ассимиляционные сдвиги в селькупской среде стали более заметны в послевоенные годы.

В качестве одного из важных показателей трансформационного процесса, приведшего к изменению культуры и психологии селькупов, исследователями выделяется большой процент межэтнических браков [4, с. 69]. Широкое распространение среди среднеобских селькупов национально-смешанных браков объясняется характером расселения селькупов, когда «ни в одном из населенных пунктов они не составляют большинства населения» [4, с. 66].

Межэтнические браки между тем, как и другие факторы, влияющие на ассимиляцию, являются объективной реакцией на конкретные исторические условия жизни этноса. К таким причинам относятся эпидемии, миграция населения, насильственное переселение, войны и ряд других социально-экономических, политических и демографических факторов, которые влияют на общую демографическую картину региона, меняют ценностную ориентацию и ментальные установки населения. Для ответа на вопрос, почему к концу XX в. среднеобские селькупы в значительной степени утратили свою этническую идентичность и фактически растворились в иноэтнической среде – преимущественно в среде русского населения, необходимо изучение роли каждого фактора в отдельности. Совокупность изученных факторов поможет получить ответ на вопрос о причинах «исчезновения» на территории Томской области (Нарымского края) популяции среднеобских селькупов.

Настоящая статья посвящена вопросу оценки роли ВОВ в судьбе селькупского этноса. Задачей данной работы является установление и анализ боевых потерь среди селькупов и их влияния на послевоенную социально-демографическую картину и трансформационные процессы в селькупской среде.

Работа продолжает исследования автора по проблемам трансформации традиционной культуры

среднеобских селькупов [5, 2007; 6, 2008а; 7, 2008б; 8, 2010; 9, 2012]. В основе статьи лежат архивные источники, публикации и воспоминания селькупов – участников войны. Данные материалы служат базисом при оценке демографической ситуации среди селькупов прежде всего при выявлении их численности.

Установление численности селькупов Томской области до войны 1941–1945 гг. проводилось по материалам переписи населения 1926 г. и переписи населения 1939 г. Перепись населения 1926 г. была первой Всесоюзной переписью, охватившей все население страны; ее программа отличалась тщательностью и детальностью. Она учла свыше 190 этнических общностей и около 150 языков. Однако в ней не выделялось коренное население Нарымского края по этническим группам; говорилось в общем об «остяках». Полные данные этой переписи были опубликованы в 56 томах в 1928–1933 гг. [10, с. 323].

Перепись населения 1939 г. подвела итоги изменениям в численности и социально-демографическом составе населения за первые две пятилетки. Однако по результатам этой переписи были опубликованы только краткие итоги в 1939–1940 годах [10, с. 323–324, 433]. Перепись 1939 г. давала общую численность народностей Севера, под которыми подразумевались 26 «малых» народов, живущих на Севере европейской части СССР, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке [11, с. 59, 63, 247].

Материалы переписи населения 1926 г.¹ дают общую цифру остяков Томского округа, который до 1937 г. включал в себя весь Нарымский край², – 5809 человек. Из этого количества необходимо исключить остяков Александровского района (2783 человек), в котором проживали в основном ханты, и как минимум вдвое сократить количество «остяков» Каргасокского района, где также проживало большое количество хантов. Таким образом, численность среднеобских селькупов к периоду 1941 г. составляла примерно 2324 человек, половина из которых – мужское население (прим. 1161 человек) [12, с. 250]. Эту цифру, полученную аналитическим путем с определенными «допусками», возьмем как рабочую.

К сожалению, трудно устанавливается численность селькупов, призванных на фронт в период

1941–1945 гг. Запросы, посланные Областным военным комиссариатом в 2001 г. (на основании обращения автора данной статьи) в районные комиссариаты Томской области, дали следующие результаты: Каргасокский, Молчановский, Колпашевский военкоматы не располагают сведениями о количестве ушедших на фронт селькупов и количестве погибших, а если и имеются некоторые данные, то они не подтверждены документально. Например, по данным военного комиссариата Молчановского района, представители народов севера Томской области в момент призыва на фронт не учитывались ни как остяки, ни как народы Севера. В Каргасокском военном комиссариате данные по представителям народов Севера не сохранились. Колпашевский объединенный военный комиссариат привел сведения о численности селькупов, ушедших на фронт (187 человек) и количестве погибших (122 человек). Однако эти сведения, как указывается в документе, приблизительны и «восстановлены по памяти». По другим районным военкоматам (Парабельскому, Верхнекетскому и Бакчарскому) – сведений нет [13].

Напротив, достаточно точно удастся установить количество селькупов, погибших и пропавших без вести во время войны. Создание такого списка погибших селькупов проводилось автором по материалам «Книги памяти 1941–1945 гг.» по Томской области, где учтены имена погибших в войне жителей Томской области. Исследование осуществлялось методом соотнесения списков фамилий южных селькупов, опубликованных в работах Л. Т. Шаргородского и Н. А. Тучковой [4, с. 16–21; 14, с. 33–34] (см. приложения 1, 2), с мемориальными списками погибших жителей Томской области в Великую Отечественную войну, зафиксированных в «Книге памяти 1941–1945 гг.» по Томской области. В результате проведенного исследования выявлены имена погибших и пропавших без вести селькупов (всего 491).

Установленная цифра не является абсолютной, так как при подсчете учитывались не все селькупские фамилии. Не были включены фамилии, которые являются общими для русских и селькупов, такие как Белозеровы, Зыбины, Карелины (за исключением Карелиных из Верхнекетского района), Колотовкины, Логиновы, Лукьяновы, Малеевы, Мартыновы, Минеевы, Самсоновы, Чулковы,

¹ По материалам переписи населения 1926 г. в районах Томского округа насчитывалось «остяков»: Александровский район: м. – 1506, ж. – 1277; Каргасокский район: м. – 776, ж. – 701; Колпашевский район: м. – 544, ж. – 472; Молчановский район: м. – 21, ж. – 19; Парабельский район: м. – 254, ж. – 223; Чаинский район: м. – 9, ж. – 7 [12, с. 250].

² Томский округ как административно-территориальная единица существовал в составе образованного из 5 сибирских губерний (Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Томской) и Ойротской автономной области Сибирского края с 1925 по 1937 г.; с 1937 по 1944 г. Томский округ вместе с Нарымским краем входил в состав Новосибирской области; в 1944 г. была образована Томская область в ее современных административных границах.

Широковы. Выделялись только те селькупские фамилии, которые четко соотнесены с территорией традиционного проживания селькупов. Такие фамилии, как Мальковы (за исключением Мальковых из Парабельского района), Маргины, Мунгаловы, в тех случаях, когда они фиксировались за пределами селькупской территории (например, призванными Асиновским или Томским РВК) также не учитывались. В список погибших не вошли также фамилии тех селькупов, которые призывались на фронт за пределами Нарымского края. Документальных свидетельств о них пока нет. Если же принять во внимание все фамилии, так или иначе относящиеся к селькупским, то количество погибших и пропавших без вести будет значительно выше.

Кроме того, полевой материал по обследованию среднеобских селькупов дает некоторые свидетельства о потерях в годы войны, связанных с тыловыми работами (так называемая Трудармия), но в цифровом выражении эти данные пока еще не собраны. Есть сведения и о том, что некоторые селькупы, скрываясь от фронта, дезертировали и по законам военного времени придавались суду военного трибунала и расстреливались. Это также надо отнести к категории потерь среди селькупов в годы войны, которые еще предстоит выявить и учесть.

Анализ полученных цифровых сведений только о военных потерях селькупов, пусть даже относительный, позволяет, тем не менее, говорить о следующем.

В условиях военного времени на фронт призывались граждане в возрасте от 18 до 50 лет. Закон «О всеобщей воинской обязанности» устанавливал призывной возраст от 18 лет и 8 мес. до 19 лет и 8 мес. лицам, не окончившим полную среднюю школу, а окончившим – от 17 лет и 8 мес. до 18 лет и 8 мес. По закону десять старших возрастов запаса (40–50 лет) в военное время должны были использоваться главным образом для тыловой службы [15, с. 183, 187]. Однако война внесла существенные коррективы. Из селькупов, судя по материалам «Книги памяти», самым «старым» к моменту начала войны был Иван Иванович Пальджигин 1890 г. р.; в 1941 г. ему исполнился 51 год; погиб он в 1943 г. Самым молодым из погибших селькупов был Николай Михайлович Сойгоров 1927 г. р.; к началу войны ему было 14 лет; погиб в 1944 году [16, с. 231; 17, с. 137]. Распределение количества потерь селькупов в период 1941–1945 гг. среди возрастных групп погибших сведено в таблицу.

Из табл. 1 видно, что наибольшие потери среди селькупов понесли мужчины в возрасте от 20 до 50 лет – 322 (75.9 %). В демографическом отношении это наиболее репродуктивный возраст. Несмотря на относительность данных подсчетов, тем не ме-

нее, очевидно, что генофонд среднеобских селькупов за период Великой Отечественной войны понес значительный урон.

Таблица 1
Количество потерь среди возрастных групп селькупов в период 1941–1945 годов

Возраст	Года рождения	Количество потерь, человек (%)	Общее количество потерь, человек (%)
До 20 лет	1921–1927	102 (24)	102 (24)
С 21 года до 35 лет	1907–1920	203 (47.9)	203 (47.9)
С 35 лет до 51 года	1890–1906	119 (28)	119 (28)
Не включены 67 человек, у которых не отмечена дата рождения			424

Интерес вызывает и другой факт: выборка среди погибших в возрасте до 20 лет (102 человека, г. р. 1921–1927) показывает, что основная масса этой категории погибших селькупов имела к моменту гибели возраст от 18 до 20 лет и погибала в период 1943–1945 гг. Соотношение между возрастом и временем гибели военнослужащего указывает, что селькупы, чьи года рождения приходились на конец XIX – начало XX в., погибали позже – в период 1944–1945 гг. Этот факт требует дополнительного анализа. Вероятно, он связан с большим жизненным опытом этой возрастной категории погибших.

Распределение количества потерь селькупов по воинскому составу также сведено в таблицу.

Таблица 2
Количество потерь среди селькупов по воинскому составу

Воинский состав	Количество потерь, человек (%)	Общее количество потерь, человек (%)
Рядовые	392 (83)	392 (83)
Сержантский состав	56 (11.8)	56 (11.8)
Мл. офицерский состав	24 (5.08)	24 (5.08)
Не учтено 19 человек, у которых нет записи о воинском звании		472

Из табл. 2 видно, что большие потери понес рядовой состав. Обращает на себя внимание достаточно большое количество среди селькупов командного состава – 80 человек. Не располагая достаточными данными по воинским специальностям, тем не менее, видно, что селькупы в массе своей служили в пехоте, которая за все время войны понесла самые существенные людские потери.

Из общего числа погибших и пропавших без вести селькупов (491) (см. приложение 3) наибольший урон понесли такие семьи, как Сопыряевы – 35 человек, Сайнаковы – 26, Былины – 23, Уразовы – 19, Писаровы – 17, Бардаковы – 15, Монголины –

15, Гоголевы – 13, Сагеевы – 12, Ипоковы – 11, Качины – 10, Мандраковы – 10.

Нет сомнений в том, что для популяции среднеобских селькупов, численность мужского населения которого составляла примерно 1161 человек, потеря 491 мужчины репродуктивного возраста (42.3 %) могла сказаться катастрофически на дальнейшем развитии демографической и этнокультурной ситуации. После войны на всей территории компактного проживания селькупов наблюдается заметный отход от ориентации на внутринациональные браки и возрастает количество межнациональных браков. Л. Т. Шаргородский отмечает, что в период с 1946 по 1950 г. межнациональные браки у среднеобских селькупов составляли 84.2 %, а браки селькупов с русскими от общего числа межнациональных браков составляли 88.7 % [4, с. 145]. Показателен и другой факт: в конце 1950-х гг. наблюдается уменьшение доли охотников-промысловиков среди селькупов по сравнению с довоенным временем [4, с. 39]. По воспоминаниям И. Д. Лучина (житель с. Парабель) в 1949 г. «в связи с малочисленностью населения», основная масса которого до войны состояла из охотников-промысловиков, был «закрыт» (т. е. ликвидирован) Тымский национальный район. «На фронт уехали десятки сотен мужчин, а вернулись единицы. Охотников и рыбаков не стало... Да и населения осталось 900 человек» [18, л. 24]. В послевоенные годы происходят изменения и в других областях традиционной культуры. Например, основная масса погибших селькупов формировалась в среде живого селькупского языка и потому владела им. С гибелью людей «погибал» и их язык, что напрямую отразилось на послевоенной этноязыковой ситуации в Нарымском крае.

В заключение следует обратиться еще к одному вопросу, непосредственно связанному с рассматриваемой темой и требующему отдельного внимания и исследования. Говоря об участии селькупов в Великой Отечественной войне, мы затрагиваем один из важных аспектов аборигенной политики государства: привлечение «иностранного» населения Сибири к службе в армии.

На протяжении длительной истории российской колонизации Сибири народы Севера были освобождены от отбывания воинской повинности¹ [19, с. 554; 20, с. 8–9]. Однако вопрос о необходимости привлечения инородцев к службе в армии нередко поднимался на различных уровнях власти. Так, в 1903–1904 и в 1910 гг. Томское уездное по воинской повинности присутствие по предложению

томского губернатора рассматривало возможность привлечения инородцев к отбыванию службы. В обоих случаях результат был один – комиссия приходила к выводу о нецелесообразности привлечения кочующих инородцев, к коим относились и остяки, к отбыванию воинской повинности. Основными аргументами были неспособность инородцев к оседлому образу жизни и неспособность их в этой связи переносить казарменный быт [22, с. 109–110, 123].

В советское время данная ситуация сохранялась как привилегия вплоть до середины 1930-х гг., т. е. до введения Конституцией 1936 г. закона «О всеобщей воинской обязанности» [23, с. 28]. В 1939 г. впервые за всю историю российской аборигенной (национальной) политики в Сибири после выхода указанного закона в ряды Красной Армии стали призывать представителей народностей Севера. Статья № 3 этого закона предусматривала: «Все мужчины – граждане СССР, без различия расы, национальности, образовательного ценза, социального происхождения и положения, обязаны отбывать воинскую службу в составе Вооруженных сил СССР» [15, с. 222]. Статья № 20 гласила: «От воинской службы никто не освобождается, кроме лиц, получивших отсрочку для окончания образования» [15, с. 225]. Были введены равные для всех условия службы в Красной Армии, а также провозглашалось право на учебу в военно-учебных заведениях. Война внесла еще более суровые поправки в положение о воинской обязанности: народы Севера не просто призывались в армию, а наравне с другими народами СССР стали отправляться на фронт.

Вопросы для исследователя заключаются в следующем: насколько в рамках государственной политики СССР по отношению к коренным народам Сибири закон «О всеобщей воинской обязанности» стал решающим фактором в изменении демографической ситуации в среде коренного населения Сибири, в частности в среде среднеобских селькупов. Насколько это могло способствовать процессу трансформации их традиционной культуры. Другая проблема сводится к выявлению их личного отношения к Великой Отечественной войне, их восприятие войны, влияние войны на изменение их мировоззрения; иными словами, насколько народы Севера в силу своих этнических, исторических и ментальных особенностей смогли адаптироваться к новой для них форме войны и насколько война изменила их самих и их послевоенную жизнь. Все эти вопросы ждут своего изучения.

¹ Некоторые группы коренного населения Сибири и Дальнего Востока, например жители Командорских островов, были освобождены от всех видов повинностей в связи с «неустроенностью их состояния», а оседлые инородцы, за исключением рекрутских наборов, платили крестьянский оклад в размере 11 р. с человека [19, с. 553; 21, с. 90].

Приложение 1

Список фамилий среднеобских селькупов по данным Л. Т. Шаргородского

Аголгодины, Актабаевы, Арболдаевы, Аргаусовы, Арнянгины, Арындины, Ачангины; Барсуковы, Боркины, Былины; Варгамыдины, Вашкины, Вояновы; Гоголевы; Дюжины; Езангины, Елеевы, Ермолины, Ерыхмаевы; Захаровы, Зубрековы; Иванкины, Игермаевы, Иготкины, Игрековы, Иженбины, Изжучкины, Ижучкины, Илеевы, Ильдейкины, Ипоковы, Иробировы, Ирычевы, Истеевы, Иткуловы; Категовы, Кайдаловы, Казбеевы, Канскины, Карелины, Карбины, Карлыгины, Кармашкины, Кармины, Каяловы, Кебакаевы, Келекейкины, Киргеевы, Кичины, Кияровы, Коголевы, Колбины, Колотовкины, Кользины, Кондуковы, Коптыгины, Кулеевы, Кукушкины, Кундины, Кургаевы, Курсаковы, Кучуковы, Кыготкины; Ларионовы, Ленгодины, Лучины; Майдасовы, Малеевы, Мальковы, Мандраковы, Маргины, Мартыновы, Мокшины, Мулины, Мурасовы, Мыдины, Мычины; Невсягины, Несюркины, Нечигины, Никулкины, Нояковы; Обшировы, Олтурмесовы, Олугины, Ольдзигины, Ольчугины, Очетковы; Пайдугины, Паскоевы, Пигасовы, Пидогин, Польшдмигин, Портнягины, Почины, Пургин, Пыжеевы, Пыжины, Пыкины, Пыршины, Пырысевы, Пычкины, Пятковы; Реткумовы; Сагандуковы, Саиспаевы, Сайнаковы, Самсоновы, Сангауровы, Сапраковы, Сарафановы, Саргаевы, Сегондины, Селевейкины, Солмины, Сондоровы, Сунгуровы, Сычины; Тагаевы, Тагины, Тайзаковы, Талаевы, Тапокины, Тарадаевы, Телесовы, Терешкины, Тобольдины, Тобольжины, Тузаковы, Тулгумовы, Турсаковы, Тюделековы; Улукины, Ундины, Уразовы, Урбоковы; Чалковы, Чегадкины, Чембулаевы, Чернышкины, Чинины, Чичигины, Чичигозины, Чугульчиковы, Чужины; Широковы, Шумиловы; Югины.

Приложение 2

Список фамилий южных селькупов по данным Н. А. Тучковой

Авдаевы/Айдаевы, Агалгожины, Азаковы, Айдаровы, Айкины, Аландины, Алипкины, Апшаровы/Опшаровы, Аранжины, Арболдаевы, Аргаусовы, Аргесовы, Ареткумовы, Арнянгины, Ахтабаевы/Бахтабаевы, Ачангины, Ачиткоевы; Балбахтины, Белозеровы, Боркины, Былины; Варгананджины, Варгамыдины, Вояновы; Гоголевы; Дресвянкины; Езынгины, Елеевы, Елетаевы, Елиновы, Емелькины, Ерихмаевы, Ермолины; Зубрековы, Зыбины; Иванкины, Ивашкины/Вашкины, Игырмаевы, Игырматовы, Идины, Ижембины, Ижучкины, Изармаковы, Изырмаковы, Илыгины/Ылыгины, Ильдекины, Индаевы, Ипоковы, Ирабировы, Иралькуповы, Иреткумовы, Ирычевы, Истеевы, Иткуловы, Иткумовы, Иткуповы, Ишкины; Каетовы, Кадина, Казбеевы, Кайдаловы, Калбышевы, Канаскины, Кандеевы, Карбины, Каргаевы, Каргеевы, Карелины, Карлымгины/Карлыгины, Кармашкины, Карнаевы, Касагасовы, Качины, Качиядровы, Каяловы, Келекейкины, Килеевы, Киликельдины, Кильзины, Киндеевы, Киргеевы, Кичебины/Кычебины, Кичеевы, Кияровы, Коголевы, Колмаковы, Колотовкины, Кольнжины, Кондуковы, Корголдаевы, Крускуловы, Кузуровы, Кулеевы, Кундины, Купландаровы, Курчаевы, Кучуковы, Кычебины; Логиновы, Лозыгины, Лукьяновы, Лучины, Люлины; Мазотовы, Майдановы, Майдасовы, Макшины, Малгетовы, Малеевы, Малгошины/Малготины, Мальковы, Мандраковы, Маргины, Мартыновы, Минеевы, Мудрины, Мулины, Мумышевы, Мунаковы, Мунгаловы, Мурасовы, Мученины, Мыдины; Нейчагины, Немдогины, Ненгалины, Нендыгины, Непдыгины, Непсогины, Неугины, Никулкины, Нонжины, Нояковы, Нюсургини; Олтурмековы, Олугины/Ологины; Пагесовы, Пайбахтины/Пакабахтины, Пайдугины, Пальджины, Парзуновы, Паскоевы, Пачелковы, Пеадеуровы, Петковы/Пятковы, Пидогини, Пирины, Писаровы, Питасовы, Портнягины, Почины, Пудины, Пурадины, Пурчины, Пыжины, Пылосовы, Пыргуновы, Пыркины, Пырсовы, Пы(т)кины, Пыршины, Пырчины/Пыршины, Пычкины/Пычиковы; Редкумовы/Реткумовы; Садковы, Сагандуковы, Сайкуловы, Сайнаковы, Сангауровы, Санкараковы/Сапкараковы, Сарафанкины, Саргаевы, Саргины/Саржины, Саскаевы/Соскаевы, Саяковы, Сегалины, Сегондины, Сельвановы, Сельвейкины/Силивейкины, Сельмановы, Сербины, Сильвондины, Соиспаевы, Сойгуровы, Солмины, Сондоровы, Сопыряевы, Соскаевы/Сыскоевы, Сунгуровы, Сутаревы, Сычины; Тавендины, Тагаевы, Тагановы, Тагины, Тайгуловы, Тайзаковы, Талаевы, Талыновы, Танбаевы/Тамбаевы, Тарзаковы, Таткины, Тегировы, Тейковы, Телесовы, Тимигины, Титколевы, Тобольжины, Тольгумовы, Тоурмаковы, Трескуловы, Тугаровы, Тузаковы, Тулпаевы, Турашевы, Туркины, Тырадаевы/Тарадаевы; Углины, Улупаевы, Уразовы, Урбоковы, Урлюковы/Орлюковы; Чаджины, Чалковы/Челковы/Чулковы, Чаршины, Чегаткины, Чедегесовы, Чемакаевы, Чеумеевы, Чеуртаевы, Чигаткины, Чигиновы, Чигины, Чилины, Чинаковы, Чинзаровы, Чинины, Чичигодины, Чичикины, Чугульджины, Чугульчуковы, Чужины; Шагины, Широковы; Эзенгуловы, Этыкмаевы; Югины; Ядкины/Яткины.

Список фамилий южных селькупов и количество погибших и пропавших без вести
в период 1941–1945 гг.

(по данным Книги памяти 1941–1945 гг. по Томской области)

Айдаровы – 3 человека, Арбалдаевы – 2, Ачалгины – 1, Азаковы – 1, Аранжины – 6, Актабаевы – 3; Боркины – 6, Былины – 23, Бардаковы – 15; Вояновы – 1; Гоголевы – 13; Ермолины – 6, Елеевы – 4, Езангины – 1; Зубрековы – 2; Игармаевы – 4, Иженбины – 6, Изармаковы – 1, Илеевы – 2, Индаевы – 6, Ипокоты – 11, Ирабировы – 7, Истеевы – 3, Иткуповы – 3; Казбеевы – 6, Кайдаловы – 6, Карбины – 2, Карелины – 2 (Верхнекетский район), Карлыгины – 1, Кармашкины – 1, Карнаевы – 9, Качины – 10, Каяловы – 2, Килеевы – 5, Киликейкины – 1, Кичебины – 2, Кияровы – 1, Колмаковы – 8, Коптыгины – 2, Кулеевы – 1, Кундины – 3, Курчаевы – 6, Кучуковы – 3; Мулины – 1, Мурасовы – 3, Макшины – 2, Мудрины – 2, Мазоты – 1, Мальковы – 3, Мандраковы – 10, Монголины – 15; Нонжины – 2, Нояковы – 4; Очетковы – 1; Пайдугины – 1, Пальджигины – 3, Петковы – 4, Пидогины – 3, Писаровы – 17, Питасовы – 2, Портнягины – 8, Почины – 1, Пургины – 4, Пырчины – 3, Пылосовы – 5, Пыкины – 5, Пыршины – 1, Пычкины – 5; Редкумовы – 1; Сагандуковы – 3, Сагеевы – 12, Саиспаевы – 7, Сайнаковы – 26, Сангауровы – 1, Саргаевы – 1, Саргины – 4, Сегондины – 4, Сербины – 1, Сойгоровы – 2, Сондоровы – 1, Сопыряевы – 35, Сунгуровы – 9, Сычины – 3; Тагаевы – 5, Талаевы – 4, Тайзаковы – 1, Тамбаевы – 1, Таткины – 8, Тейковы – 2, Тобольжины – 3, Трескуловы – 1, Тузаковы – 2, Туркины – 3, Тюделековы – 4; Уразовы – 19; Чаршины – 1, Чегаскины – 1, Чигаткины – 4, Чедигезовы – 4, Чинаковы – 4, Чинины – 1, Чичигожинны/Чичигодины – 1, Чужины – 3; Этукмаевы – 2.

Список литературы

1. Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 26–40.
2. Аксянова Г. А., Васильев В. И. Селькупы. Общие сведения // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 304–310.
3. Аксянова Г. А., Шпак А. Ф. Русско-селькупские и русско-чулымские антропологические соотношения в Томско-Нарымском Приобье // Русские старожилы. Тобольск–Омск, 2000. С. 19–20.
4. Шаргородский Л. Т. Селькупы. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994. 186 с.
5. Тучков А. Г. Факторы формирования языковой ситуации у южных (нарымских) селькупов в 1920–1930-е годы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 3 (66). С. 161–168.
6. Тучков А. Г. О «классовой борьбе» у селькупов Нарымского края, или как искали кулаков среди охотников и рыбаков // Тр. ТОКМ. Томск, 2008 а. Т. 15. С. 252–262.
7. Тучков А. Г. Государственное регулирование охотпромысла в Нарымском крае в 1920–1930-е гг. и его последствия для культуры селькупов // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат-лы Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. Томск, 2008 б. С. 327–331.
8. Тучков А. Г. Инновации 1920–1930-х гг. в хозяйственной жизни селькупов и их последствия для традиционной культуры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 9 (99). С. 138–144.
9. Тучков А. Г. Традиционное рыболовство среднеобских селькупов в период радикальных экономических изменений 1920–1930-х гг. // Там же. 2012. Вып. 1. С. 130–135.
10. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 322–324.
11. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. 256 с.
12. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 6. Отдел 1. С. 250.
13. Архив ТОКМ. Оп. 21. Д. 31.
14. Тучкова Н. А. Селькупы // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 30–34.
15. Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. М., 1939.
16. Книга памяти 1941–1945 гг. Томская область. Томск, 1994. Т. 3.
17. Там же. Т. 4.
18. Полевые материалы Н. А. Тучковой. 1992. Тетрадь № 2 // Архив семьи Тучковых.
19. Свод законов Российской империи. СПб, 1912. Кн. 1. Т. 2. С. 531–586.
20. Там же. Кн. 2. Т. 4. С. 1–84.
21. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 66–97.
22. Вехи патернализма: судьбы коренных малочисленных народов томского Севера в системе Российской государственности (нач. XIX – 30-е гг. XX в.). Томск, 2006. 446 с.
23. Конституция (основной закон) СССР 1939 г. М., 1939.

Тучков А. Г., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: tucha@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 11.07.2012.

A. G. Tuchkov

WARGĭ MÜDĕ – «GREAT WAR» AND DEMOGRAPHIC SITUATION OF MIDDLE-SELKUPS

The paper focuses on the participation of the Selkups in the Great Patriotic War. The main emphasis is on establishing of the Selkup pre-war population in the area of Narym and the number of their casualties in the war. Following analysis the author concludes that the large casualties of the Selkups at the front have led to high-quality demographic changes and became one of the reasons that caused irreversible cultural change in the postwar period.

Key words: *the Great Patriotic War, demography, military casualties, cultural change.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: tucha@rambler.ru